

Раздел IV.

**НАУКА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.
НАУКА И ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС СССР И
ЕГО РОЛЬ В ПОБЕДЕ НАД АГРЕССОРОМ**

УДК 941(430)

И.В. Аладышкин

**«ЭТА ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ...»
СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАУКИ
НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ**

«Эта печальная история поучительна для всех стран и народов» – такой вывод о судьбе немецкой науки в годы нацистского режима [1, с. 203] не редкость в отечественной историографии. Наоборот. Просматривая публикации последних лет, в той или иной степени сопряженные с оценкой научной жизни Германии 1930–1940-х гг., в первую очередь сталкиваешься с устойчивыми, идущими ещё из послевоенных десятилетий, стратегиями анализа и нормами оценки. Ревизия советской историографической традиции репрезентации национал-социализма в качестве апогея германского империализма нередко оборачивается воскрешением концепции «разрыва» и «несчастливого случая» в немецкой истории. В оценках развития научно-интеллектуального пространства Германии 1930–1940-х гг. подобные взгляды естественно приводят к противопоставлению двух «наук» – до и после прихода Гитлера к власти с соответствующим «очищением» от нацистской скверны первой науки и всемерным осуждением второй.

Здесь напрашивается вопрос о том, а возможен ли в отечественной историографии сегодня анализ научной жизни в нацистской Германии вне повышенной пристрастности исследований, вне однозначности осуждения

с сохраняющимся пафосом победителей. Судя по публикациям последних лет, стремления «свернуть» с обозначенного маршрута в сторону непредвзятого анализа сталкивается одновременно и с вновь усиливающимся прессом официально-идеологической позиции всемерного осуждения, и с публицистической тягой к «интригам и расследованиям». Показательно, что относительно беспристрастные работы отечественных авторов связаны не столько даже с собственно исследованиями истории науки в Германии рассматриваемого периода, сколько с анализом зарубежной историографии. Примером может служить статья Л.Н. Корневой «Наука и культура в нацистской Германии в оценке германских историков» [2, с. 57–62].

Следует заметить, что наука в условиях нацистской Германии – тема далеко не самая популярная среди отечественных исследователей, обращавшихся к истории Третьего Рейха, но пользующаяся устойчивым спросом в последнее десятилетие на волне востребованности проблем политизации науки и социокультурной обусловленности научного знания. Смещение исследовательских приоритетов в купе с ослаблением прежде нерушимых оснований критики национал-социализма и усилением куда более абстрактных антитоталитаристских установок [3, с. 71–75; 4, с. 58–62] привели к очевидной двойственности оценок и общей противоречивости выводов. С одной стороны, по-прежнему господствует избирательная и пристрастная критика с акцентированием внимания на негативных последствиях превращения науки в послушное орудие всемерно осуждаемого режима, когда изучение оборачивается поиском изъянов, подтверждающих осуждение. С другой, даже самая ретивая критика редко обходится без признаний очевидных достижений науки Третьего Рейха, особенно, в её точных и естественных областях. Подобные признания получают заметную поддержку неугасаемого интереса к изрядно мифологизированному в массовой культуре «сумеречному гению» Германии, порождающему завышенные ожидания «открытия» неких тайн нацистской научной мысли.

История Третьего Рейха давно превратилась в своего рода исследовательский маршрут с разветвлённой системой указателей и наличием целого ряда инстанций, контролирующих правила исторического анализа проблем, сохраняющих свою злободневность. Необходимо понимать, что позиции всемерного осуждения, заметно ограничивающие возможности

исторического анализа, поддерживаются многими факторами, выходящими далеко за границы официальных точек зрения. Очень трудно, если вообще возможно, отстраниться от представлений о полном крушении немецкой культуры и «закате» науки в период нацистской диктатуры столь длительное время господствовавших в европейском общественном сознании. Эти представления сохраняют своё влияние и сегодня, хотя связаны они скорее с давними оценками нацизма как погружения Германии в варварство, а также с обстоятельствами Второй мировой войны.

В противоречивости оценок сказывается и общая слабость историографии. Ведь крупных обобщающих исследований отечественных авторов по истории научной жизни в нацистской Германии нет, а те публикации, что посвящены данной проблематике, преимущественно привязаны к юбилейным датам, тематическим приоритетам (разгрома фашистских войск, цены победы, преступлений нацизма), которые изначально задают общий тон исследований. К тому же в этой области за последние десятилетия появилось так много «специалистов», не имеющих никакого отношения к исторической науке, что полки книжных магазинов буквально пестрят сомнительными «историями», «антологиями», «сборниками документов» о сверхсекретных научных разработках и тайнах фашистской науки. Некоторая парадоксальность ситуации заключается в том, что сегодня исследователям открыты многие ранее засекреченные документы и богатейший массив материалов западной историографии. В то же время лавина претенциозной публицистики, переворачивающей с ног на голову не только науку Третьего Рейха, но и само представление о нацизме, спала ещё в прошлом десятилетии, а вместе с ней сглаживалась острота самой проблематики германского ультранационализма.

Казалось бы, сегодня расширилась возможность появления новых исследований, освещающих научную жизнь Германии с разных позиций, с беспристрастным анализом её просчётов и достижений, сильных и слабых сторон. Однако за редким исключением повторяется то, что было уже написано и «по-новому» культивируются всем известные положения. Такая тенденциозность неизбежно сказывается на материалах исследований, на самой их структуре и содержании. Большая часть статей, увидевших свет за последние годы, уже традиционно начинается с констатации того, что до

прихода нацистов к власти в 1933 г. Германия отличалась высоким уровнем развития науки, что подтверждается перечислением частных открытий и нобелевских лауреатов. А далее уже следует резкий поворот оценочных суждений с констатацией того негативного влияния на состояние немецкой науки, что оказал приход к власти нацистов, в свою очередь иллюстрируемый перечнем общеизвестных факторов негативного воздействия. На первом месте привычно фигурирует активная антисемитская политика, вызвавшая эмиграцию крупных ученых, которая дополняется идеологизацией и политизацией науки с превращением последней в услужливый элемент функционирования режима и идеологической пропаганды, а также мобилизация всех мыслимых научных ресурсов на подготовку к агрессивной войне [5, с. 409–415].

Безусловно, в интеллектуальном пространстве Германии 30-х и первой половины 40-х гг., в частности, в научной сфере, немало признаков кризиса, а доминирование приспособления/пособничества режиму дарует богатые материалы для выводов об угасании научного потенциала. При этом как то забываются кризисные моменты научной мысли Германии, особенно в тех её областях и в тех кругах научных сотрудников, что были более иных расположены к «новому порядку» [6, с. 522]. В то же время как стремление представить национал-социализм своего рода социокультурной девиацией тех лет и в известной мере оправдать германскую культуру, подталкивает к констатации полного разрыва некоей «нацистской науки» с богатейшими традициями страны в этой области [1, с. 200].

Очевидные связи с пропагандой и «руководство» нацистами наукой настойчиво побуждают к отказу видеть в ней какое-либо развитие и перспективность, возможно, за исключением отдельных направлений в прикладных науках, связанных с вооружением. В свете осуждения выстраивается изрядно преувеличенный образ некоей «нацистской науки» с её расовыми установками и общей научной беспринципностью, с обязательными ссылками на бесчеловечные «научные опыты» над людьми, антигуманные военные технологии [7, с. 440]. В числе «тупиков» нацистской науки непременно присутствует «псевдонаучная разработка расовой теории», будто бы инспирированная для оправдания ксенофобии в глазах мировой общественности, а для наглядности в который раз вспомнят «Аненербе» со

ссылками на анатомический институт при Страсбургском университете с небезызвестной коллекцией скелетов из Освенцима.

Между тем, говорить о нацистской науке в целом можно лишь относительно, предполагая, прежде всего, отдельные научные области, институты или же некий отвлеченный идеал, в согласии с которым действовала правящая верхушка. Связи различных наук с действовавшим режимом, глубина проникновения в теоретико-методологические основы и познавательные установки расовых принципов были качественно различны. Одно дело медицина, анатомия, психиатрия, юриспруденция, социальные науки, педагогика, т.е. те области, что оказались тесно связанными с нацистской идеологией и политикой. И совсем иное положение наблюдается в отношении естественных и технических наук. Многие западные авторы, оценивая позицию естествоиспытателей, считают, что физики и многие другие учёные дисциплинированно исполняли свои функции, но убеждения, что их государство «правильное», у них не было. К слову, исторической науке в ряду иных гуманитарных дисциплин, подвергшихся деформации, связанной, главным образом, с геополитическими и расовыми притязаниями нацистов, приспособление к потребностям режима далось быстро и безболезненно [8, с. 132–133].

Самое интересное начинается тогда, когда осуждение некоей «нацистской науки» стремится опереться на доказательства её малоэффективности, причём примеры нередко говорят об обратном и тогда изобличения науки выстраиваются на её достижениях. Примером может служить ставшая хрестоматийной история крупнейшего германского химического концерна «И.Г. Фарбениндустри», которая каждый раз воспроизводится по исследованию Дж. Боркина «Преступление и наказание «И.Г. Фарбениндустри»: Рассказ о зловещем сговоре Адольфа Гитлера с крупнейшим германским химическим концерном» [9], заглавие которого наглядно демонстрирует направленность книги. Действительно, она повествует, прежде всего, об участии руководства химического концерна в подготовке агрессивных войн и в событиях, приведших к приходу к власти Гитлера, а также разоблачает участие руководителей концерна в зверствах германского фашизма. При этом в тени остаются достижения концерна в области изучения и получения в промышленных масштабах искусственного жидкого топлива

(ИЖТ) или же синтетического каучука (СК), которые в послевоенные времена вполне успешно осваивались и США, и СССР.

Собственно, распространявшееся в конце войны иностранной пропагандой под влиянием общего военного психоза утверждение о том, что германская наука добилась лишь незначительных результатов, и что в стране, где нет свободы, наука вообще не способна на многое, было вскоре опровергнуто многочисленными выступлениями самих иностранных ученых. И нельзя исключать того, что стремление к дискредитации немецкой науки были продиктованы реалиями эксплуатации «нацистского научного наследия» и желанием «прикрыть» куда более веские причины упадка научной мысли послевоенной Германии. Ведь все результаты научно-исследовательской работы, включая патенты, были утеряны и рассеяны по странам-победительницам, основная масса ведущих немецких специалистов оказалась на территории государств – бывших противников, а большая часть оставшихся в Германии исследователей подверглась дискриминации.

По итогам политической чистки, проведенной еще при Гитлере, 1628 доцентов были изгнаны с кафедр и из исследовательских институтов, т.е. 9,5% всего преподавательского состава высших учебных заведений Германии (каждый десятый ученый). Тогда как жертвами следующей политической чистки, в 1945 году, пали еще 4289 доцентов, что составило уже 32,1% всех ученых. Таким образом, в 1945 году каждый третий немецкий преподаватель высших учебных заведений потерял и свою кафедру, и возможность продолжать научно-исследовательскую работу [10, с. 6–7; 1, с. 200–202].

Среди аргументов, призванных доказать общую низкую эффективность научных разработок в нацистской Германии, фигурирует констатируемая с несколько наигранным удивлением раздробленность управления. Действительно, в «государстве фюрера», которое насильно подчиняло себе даже самые приватные области жизни, как это ни покажется странным, не было создано настоящей всеобъемлющей, планирующей в государственном масштабе научной организации, которая возглавила бы всю исследовательскую работу. В реалиях имелось множество частных учреждений, работавших каждое в своей области и, в сущности, независимых друг от друга. Однако эта «раздробленность» системы управления и сохранявшаяся научно-исследовательская конкуренция нередко, наоборот, оказывала положительное влияние, подстёгивая темпы разработок и апробации [11, с. 15–17].

В любом случае, даже самые ретивые критики вынуждены каждый раз признавать, что немецкая система образования по-прежнему обеспечивала подготовку научных кадров весьма высокого уровня квалификации; сохранявшаяся автономия университетов, пусть и в идеологически-усечённом варианте, содействовала успеху развития немецкой науки, а правительственные задания на проведение исследований строились по существу на инновационных принципах с одновременным созданием объектов, основанных на использовании результатов исследований. С целым рядом оговорок, нередко отменяющих прежние выводы о незначительности и слабости науки в нацистской Германии, делаются заключения о том, что 30-е и первая половина 40-х гг. были периодом и тех научных исследований, что послужили серьезным вкладом в мировую науку, некоторые из которых позднее были также удостоены Нобелевской премии, как и работы их коллег в Кайзеровской, а затем и Веймаровской Германии.

Про научные разработки Германии можно написать не одну научную работу: от расщепления ядра до изобретения реактивного двигателя, создания баллистических ракет, электронного микроскопа, инжекторного двигателя, развития технологий по производству искусственного каучука, синтетического топлива и т.д. Странно было бы даже доказывать, что немецкая наука и при нацистском режиме отнюдь не сводится к оправданию шовинизма, репрессиям, антигуманным опытам и военным технологиям. При нацистах довольно плодотворно работали Рихард Кун, получивший в 1938 г. Нобелевскую премию за свои исследования в области химии, Герман Штаудингер, удостоенный Нобелевской премии позже – в 1953 г., а также другой Нобелевский лауреат химик-органик Ханс Эйген Фишер. В 1930-х гг. группа ученых под руководством макробиолога Герхарда Домагга синтезировала красный протозил – первое антибактериальное средство, препараты для химиотерапии туберкулеза и опухолей. Их работа в 1939 г. была также удостоена Нобелевской премии. В условиях нацистской диктатуры продолжал трудиться и профессор теоретической физики Лейпцигского университета Вернер Гейзенберг, один из создателей квантовой механики, ставший лауреатом Нобелевской премии еще в 1933 г. Именно в 30-е гг. он опубликовал труды по структуре атомного ядра, релятивистской квантовой механике, единой теории поля, теории ферромагнетизма, философии естествознания.

В период нацистской диктатуры наметилось новое направление в исследованиях высшей нервной деятельности, постепенно оформившееся в самостоятельную науку – этологию, изучающую поведение животных в естественных условиях. Одним из основателей этой науки стал профессор Карл фон Фриш, ещё один Нобелевский лауреат. Перечисление крупных работ, выполненных немецкими учеными в 1930–1940-е гг., можно без труда продолжить. Кроме вышеназванных в это время в Германии работали такие выдающиеся ученые, как Генрих Отто Виланд, Адольф Виндаус, Арнольд Зоммерфельд, Паскуаль Иордан, Макс фон Лауэ, Вальтер Нернст, Вальтер Боте, Отто Фриш, Адольф Бутенандт, Отто Генрих Варбург, Ханс Шпеман, Феодор Линен и др.

За всеми идеологическими издержками и командными просчётами нацистского руководства в отношении образования и науки, которых было действительно не мало, в том числе и в силу характера самого утвердившегося в стране режима, проступают черты широкомасштабной научной работы, успехам и достижениям которой отдали должное, правда, в довольно своеобразной форме, все страны победительницы. И вряд ли уместно списывать создание новых видов вооружения, искусственных материалов, открытие новых научных методов и профилей наук исключительно на усердие отдельных людей, которые во всех областях науки работали с полной отдачей своих сил и способностей с параллельной компрометацией «жалкой организации «руководителей»». Неужели неприемлемость идеологических оснований и целого комплекса методов режима неизбежно отказывает возможности взвешенного анализа результативности механизмов Третьего Рейха по управлению и контролю научными разработками?

По всей видимости, двойственность и противоречивость оценок, обусловленные влиянием критики нацистской политики, напрямую сопряжены с затянувшейся в России «историзацией» нацизма. Если уж говорить о неизбежности, то неизбежен скорее переход Третьего Рейха из современной истории в историю прошлого с сопутствующей ревизией оценок. Смягчение суждений, снижение уровня экспансивности и тенденциозности в анализе достижений немецких ученых в годы фашистского режима, открытие очередных «неудобных» страниц истории эксплуатации «нацистского научного наследия» лишь вопрос времени, не более. И успехи в этом

направлении во многом показательны для развития уже отечественной исторической науки.

Пока же на страницах научных публикаций действует правило преемственности и сохранения традиций осуждения прошлых лет. В то время как постсоветская публицистика, подчас склоняется к обратной реакции, своего рода «негативам» действовавших прежде разоблачительных установок, в которых цель оправдывала средства. По крайней мере, попытки реабилитации немецкой науки в годы нацистского руководства помимо откровенно конъюнктурных интенций непременно несли в себе реактивный импульс, т.е. в конечном итоге были обусловлены всё теми же принципами осуждения [12, с. 116].

Тот факт, что современный историк не в состоянии игнорировать успешные статьи традиционными установки в трактовке национал-социалистического режима, удивления не вызывает. Как не удивляет проблематичность выхода за рамки идеологического контекста в рассмотрении любых сфер жизни немецкого общества тех лет, да и, признаться, необходимость подобного выхода кажется сомнительной. Немецкая наука в своем не лишенном драматизма развитии прошла много различных эпох и стадий и одной из переломных фаз между ними оказался как раз опыт «нового научного порядка», того опыта без которого полноценное осмысление специфики немецкой научной жизни и германского научного пространства вряд ли возможно. Как невозможно и понимание последующего развития германской науки.

Для историка же, взгляд на состояние науки в нацистской Германии в любом случае будет задан конкретными моделями оценки Третьего Рейха, моделями согласованного исторического «единства» науки и политики. И эта взаимосвязь будет, если не идейной, так административной, если не прямой, так опосредованной третьими лицами, идеями, инстанциями и т.д., но даже в отношении локальных участков научного пространства нацистской Германии они в любом случае будут рассматриваться «в тени свастики», объединяющей крайне неоднородную и противоречивую научную жизнь тех лет.

Скорее характер дальнейшего изучения науки в Германии 30–40-х гг. будет зависеть от формулировки взаимосвязи режима и науки, а также от того, насколько будут сильны изменения/отклонения от действующих

ныне форм пристрастия. Максимально перспективной представляется вариант признания возможности сосуществования ряда дистанцированных маршрутов развития научной мысли и разнородных порядков функционирования научных и образовательных систем с разнонаправленным движением при относительности их сопричастности идеологии и политики Третьего Рейха. Возможно тогда анализ, построенный не по принципам осуждения научной жизни соответствующей нацистскому режиму в Германии, а на соприкосновениях и пересечениях с идеологией и политикой фашизма разнонаправленных траекторий научного развития, в отношении последних снизит уровень малообоснованных обобщений и всепоглощающей дискредитации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Левин В.И.** Наука в Германии при нацистах // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2010. № 1. Т. 16. С.199-204
- 2. Корнева Л.Н.** Наука и культура в нацистской Германии в оценке германских историков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 1. Т. 4. 4-1 (52). С. 57-62
- 3. Левин В.И.** Наука при тоталитаризме: Германия. 1933 – 1945 // Alma mater: (Вестник высшей школы). 2010. № 1. С. 71-75
- 4. Магаршак Ю.** Тоталитарная наука // Знание-сила. 2007. № 6(960). С.58-62
- 5. Капитонов Е.Н., Капитонов И.Е.** Ситуация в немецкой науке при нацистах // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2008. Т. 14. № 2. С. 409-415
- 6. Рингер Ф.** Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890–1933 / Пер. с англ. Е. Канищевой и П. Гольдина. – М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- 7. Дубгорин А.А.** Врачи нацистской Германии // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2013. № 2. Т. 3. 2013. С. 440
- 8. Хряков А.В.** Карл Великий и немецкая историография 30–40-х гг. XX века // Вестник Омского университета. 2011. № 1. С. 132-138
- 9. Боркин Дж.** Преступление и наказание И.Г. Фарбениндустри Рассказ о зловещем сговоре Адольфа Гитлера с крупнейшим германским химическим концерном. – М.: Прогресс, 1982. – 333 с.
- 10. Беркович. Е.** Парадокс Радзиховского // Еврейское слово. 2008. №25 (395).
- 11. Уолкер М.** Наука при национал-социализме // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 1. С. 3-30
- 12. Умланд А.** Современные концепции фашизма в России и на Западе // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2003. № 5(31).